

УДК 316.62:364.624.6(470+571)
DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1904
Шифр специальности ВАК: 5.4.4

Социальная тревожность населения России: типы и группы риска (на материалах всероссийских опросов населения 2021–2022 гг.)

Ю.С. Нетребина, Я.В. Артамонова[✉], Г.И. Чикарова

Южный федеральный университет, Россия, г. Ростов-на-Дону

[✉]janaserduchenko@mail.ru

Аннотация. *Цель:* верифицировать сегментированность общероссийской тревожности, выделив основные группы риска, с помощью социологического инструментария. Временные рамки исследования были заданы 2021–2022 гг., периодом высокой концентрации социальных, экономических и политических факторов, негативно влияющих на компоненты социального самочувствия. Эмпирическая база – результаты серии замеров тревожности, опубликованные в открытом доступе (ВЦИОМ). *Результаты:* выделены типы тревожности и соответствующие им группы риска. Первый тип – это стабильно высокотревожные: женщины, россияне предпенсионного и пенсионного возрастов, со средним общим образованием, низкодоходные группы населения, то есть наименее защищенные когорты. Вторая группа – нестабильно высокотревожные (более чувствительные к социальным триггерам): россияне 35–44 лет, группы с низким уровнем образования, безработные, работники некоммерческого сектора, жители городов с населением от 100 до 500 тыс. чел. Третья группа – нестабильно тревожащиеся. Они имеют более широкий набор адаптационных практик, что позволяет им «выравнивать» показатели социального самочувствия (молодые люди 25–34 лет, россияне с высшим образованием, государственные и муниципальные служащие, неквалифицированные рабочие, бизнесмены и предприниматели, учащиеся, слои населения со средним доходом, жители городов-миллионеров и столиц). *Выводы:* в целом результаты исследования свидетельствуют о том, что стабильно спокойных групп населения выделяется меньше, чем тревожных. Все это позволяет говорить о том, что в 2021–2022 гг. тревожность была характерна для большей части россиян, что показывает их уязвимость перед макросоциальными вызовами.

Ключевые слова: социальная тревожность, динамика социальной тревожности, группы риска, социальное самочувствие

Для цитирования: Нетребина Ю.С., Артамонова Я.В., Чикарова Г.И. Социальная тревожность населения России: типы и группы риска (на материалах всероссийских опросов населения 2021–2022 гг.) // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2025. – Т. 53. – № 1. – С. 138–157. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1904

UDC 316.62:364.624.6(470+571)
DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1904

Social anxiety of the Russian population: types and risk groups (based on the materials of the all-Russian population surveys 2021–2022)

Yu.S. Ntrebina, Ya.V. Artamonova✉, G.I. Chikarova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉janaserduchenko@mail.ru

Abstract. Aim. To verify the segmentation of all-Russian anxiety by means of sociological tools, identifying the main risk groups. The time frame of the study was set for 2021–2022, a period of high concentration of social, economic and political factors that negatively affect the components of social well-being. The empirical basis of the study was the results of a series of measurements of anxiety published in the public domain (data from the All-Russian Center for the Study of Public Opinion). The results of the analysis make it possible to identify the types of anxiety and their corresponding risk groups. The first type is consistently highly anxious: women, Russians of pre-retirement and retirement age, with secondary general education, low-income groups of the population, that is, the least protected cohorts. The second group is unstable, highly anxious (more sensitive to social triggers): Russians aged 35–44 years, groups with a low level of education, the unemployed, employees of the non-profit sector, residents of cities with a population of 100 to 500 thousand people. The third group is people with unstable anxiety. They have a wider range of adaptation practices, which allows them to “equalize” indicators of social well-being (young people 25–34 years old, Russians with higher education, state and municipal employees, unskilled workers, businessmen and businesswomen, students, middle-income segments of the population, residents of millionaires-plus cities and capitals). **Results.** According to the measurement results, fewer stable calm groups of the population can be identified than anxious ones. All this allows us to say that in 2021–2022 anxiety was typical for the majority of Russians, which indicates their vulnerability to macrosocial challenges.

Keywords. social anxiety, dynamics of social anxiety, risk groups, social well-being

For citation: Ntrebina Yu.S., Artamonova Ya.V., Chikarova G.I. Social Anxiety of the Russian Population: types and risk groups (based on the materials of the All-Russian population surveys of 2021–2022). *Journal of Wellbeing Technologies*, 2025, vol. 53, no. 1, pp. 138–157. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1904

Введение

В последние десятилетия тревожность стала неотъемлемой характеристикой не только отдельных индивидов, но и атрибутивным признаком больших социальных групп, а в отдельные периоды – и всего современного общества. Международные исследования фиксируют глобальный рост тревожности. Так, согласно данным Всемирной организации здравоохранения, «за первый год пандемии COVID-19 распространенность тревожных расстройств и депрессии в мире выросла на 25 %» [1].

В рейтинге стран мира, жители которых больше всего страдают от стресса и депрессии (2013 г., Bloomberg), Россия заняла 25-е место из 74 возможных [2]. Спустя 8 лет, в 2021 г., по данным Statista (Международной компании по сбору и анализу данных), Россия поднялась на 4-е место среди стран по уровню депрессии и тревожности [3]. Российские мониторинги также подтверждают высокий уровень тревожности в современном российском обществе. По данным исследования фонда «Общественное мнение», в 2022 г. около 70 % россиян испытывали тревогу [4]. Представители пресс-службы РАНХиГС, исследовательская группа которой занимается замером социального самочувствия россиян, в публичных заявлениях

отмечают, что высокий уровень тревожности населения – значимая проблема социального самочувствия российского общества: «Свободными от ощущения тревожности могут себя назвать только 40 % россиян, в сильной степени испытывает тревогу достаточно узкая группа, размер которой не превышает 15 % опрошенных (13,2 %)» [5].

Вместе с тем важно отметить, что уровень тревожности в обществе – это динамичная переменная, отличающаяся по уровню проявления в каждый отдельный момент времени, а также степени выраженности среди представителей тех или иных социально-демографических групп.

Результаты исследований аргументированно показывают, что уровень тревожности зависит от внешней среды – тех событий, которые происходят в обществе. Динамика замеров уровня тревожности российского общества последних нескольких лет позволяет сделать вывод, что пик роста тревожности среди россиян приходился на временные отрезки, связанные с распространением COVID-19, началом специальной военной операции, объявлением частичной мобилизации.

По данным Brand Analytics, уровень тревожности россиян из-за пандемии коронавируса оказался самым высоким на постсоветском пространстве. Его пиковые значения (190) пришлись на конец марта – начало апреля 2020 года [6]. В 2022 г. показатель суммарного индекса тревожности, рассчитываемый КРОС на основе анализа новостей СМИ, постов и комментариев в социальных сетях, «взлетел» до 21,4 тыс. «медиаюнгов» [7]. Вместе с тем, по данным аналитического центра НАФИ, было зафиксировано, что большинство жителей России (70 %) в той или иной степени испытывают тревогу из-за сложившейся социально-экономической ситуации [8].

Дифференциация уровня тревожности прослеживается в ракурсе гендерного, возрастного, территориального рассмотрения данного феномена, а также целого ряда других дифференцирующих современное российское общество признаков (уровня образования, типа занятости, дохода и др.). Исследовательскими коллективами, работающими в разных отраслях науки, выявленная специфика проявления тревожности объясняется по-разному. Так, медицинские исследования интерпретируют разницу в показателях уровня тревожности между мужчинами и женщинами через различия в химическом составе мозга, гормональные колебания и выбор способа преодоления стрессовых факторов, имеющих гендерные различия [9]. Психологи аргументируют сложившуюся дифференциацию в уровне тревожности людей в разных возрастных когортах тем, что индивиды в молодом возрасте острее реагируют на изменяющиеся условия жизни, происходящие события или неожиданные обстоятельства [10].

В этой связи цель статьи – средствами социологического инструментария верифицировать сегментированность общероссийской тревожности, выделив основные группы риска.

Обзор литературы

Измерение индикаторов социального настроения и тревожности как его составляющей является темой научных работ ведущих социологических центров страны на протяжении уже более 20 лет. Обращение к научной литературе по этой проблеме позволяет выделить несколько магистральных направлений исследований.

Общество – это сверхсложная система, и как в любой такой системе в нем, несмотря на развитые механизмы поддержания равновесия и стабильности, присутствует элемент спонтанности. Эта спонтанность связана с тем, что индивиды имеют свободу социального действия, а где свобода, там и неопределенность. Д.Н. Баринов выделяет основные социоструктурные источники тревожности. Первое – это отчуждение от деятельности социальных институтов, «что делает человека беспомощным перед риском возникновения деформации их деятельности» [11, С. 149]. Второе – особенности циркуляции информации, которые в закрытых обществах характеризуются дефицитом, а в открытых – непредсказуемостью и

сложностью в управлении. Третье – интенсивная трансформация информационной инфраструктуры, приводящая к увеличению субъектов информации, интенсификации коммуникационных потоков и, как следствие, усилению нелинейности протекающих процессов [12]. Все это неизбежно создает ситуации противоречия между потребностью индивида в стабильности и неопределенностью социального бытия, что и характеризуется термином «социальная тревожность».

Перечисленные социоструктурные источники тревожности, безусловно, относятся и к российскому социуму. Их эффекты усиливаются трансформационным состоянием, в котором он находится уже длительное время. Периоды кризисов сменяются стабильностью, и массовое сознание чувствительно к этим процессам, что иллюстрируется динамикой тревожности.

Тема социального самочувствия в целом и тревожности как его составляющей является одним из базовых направлений исследования коллектива Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Авторы показывают, что большинство россиян на протяжении последних 20 лет испытывают страх и тревогу. Ученые также фиксируют довольно высокий процент носителей катастрофического сознания (около четверти россиян), который практически не меняется в общей доле респондентов, несмотря на смену периодов социальных кризисов и стабильности. «Тревожная» группа россиян демонстрирует более низкий индекс доверия социальным институтам, чем «спокойные» сограждане, чаще дают негативные оценки текущим событиям. Интересно также отметить, что собственную тревожность респонденты отмечают реже, чем тревожность людей своего окружения. И это не зависит от наличия или отсутствия в обществе кризисных ситуаций. Еще одна интересная закономерность – чем «ближе» к человеку находятся оцениваемые реалии, тем менее критично они воспринимаются. Это еще раз подчеркивает значимость агентов влияния (СМИ, социальных сетей и других посредников в передаче информации) как триггеров тревожности.

Уровень социальной тревожности большинства россиян (за исключением носителей катастрофического сознания) частично коррелирует с оценками текущей ситуации страны и региона и перспектив ее развития: чем позитивнее оценки, тем ниже тревожность. Д.Н. Баринов иллюстрирует этот тезис, взяв за эмпирическую основу своего исследования данные ВЦИОМ с 1994 по 2007 г. [13]. Автор выявил, что общей тенденцией является снижение общего уровня тревожности за указанный период и колебание уровня страха. К концу рассматриваемого периода структура тревожности трансформировалась: в массовом сознании россиян произошел сдвиг от социальных проблем к личным, что также свидетельствовало о стабилизации социальной ситуации.

В то же время сложность социального самочувствия не позволяет ученым объяснять динамику его составляющих исключительно социально-экономическими и политическими изменениями. Ряд исследователей приходят к выводу, что далеко не всегда уровень тревожности меняется при стабилизации социально-экономической и политической ситуации [14–17]. Так, например, улучшение экономического положения населения в первое и второе десятилетие XXI века после тяжелых 90-х годов XX века, казалось, должно было стать причиной снижения тревожности относительно экономической ситуации в стране. Тем не менее значительная часть россиян продолжила оценивать текущую (применительно к указанным временным рамкам) ситуацию как кризисную. Это связано с тем, что (пользуясь терминологией Р. Мертона) желаемые ценности труднодостижимы доступными большинству членов общества средствами. Это позволило ученым сделать вывод о том, что уровень и структура тревожности зависят не только от объективной ситуации, но и от динамики системы ценностей.

Несмотря на то, что иерархия страхов зависима от социального контекста и пересматривается, полученные в ходе многолетних исследований данные позволили ученым выделить стабильно сохраняющиеся группы риска.

Анализ тревожности в гендерном измерении показывает, что женщины являются более тревожной группой населения. Так, например, А.В. Палкина и Н.Э. Соболева, измеряя уровень тревожности в период пандемии, выявили, что его среднее значение у женщин почти в 2 раза выше, чем у мужчин. Авторы связывают это с тем, что женщины столкнулись с проблемами «теневого пандемии» (расширение круга домашних обязанностей и учащение случаев домашнего насилия). Помимо этого, женщины оказались в ситуации, когда их сферы занятости больше пострадали от пандемии (например, сфера торговли). Стабильность гендерных различий подтвердилась тем, что различия в уровне тревожности российских мужчин и женщин оставались практически неизменными на протяжении 2020–2021 гг. [18].

Говоря о гендерной разнице в уровне и структуре тревожности в долговременной перспективе, ученые выявили большую концентрированность мужчин на социально-политических вопросах, а женщин – на экономических [13, 19]. В то же время исследования последних лет отмечают сближение оценок мужчинами и женщинами разных социальных проблем, что ученые связывают с сокращением гендерного неравенства в основных сферах общества [17, 19].

Возраст также обуславливает разницу в уровне тревожности: старшие возрастные группы демонстрировали более высокие показатели тревожности, обусловленные в первую очередь экономическими причинами, но в то же время показывали и более высокий уровень доверия социальным институтам, не характерный для молодых когорт [17, 19]. Это связано с тем, что в современном обществе, в отличие от традиционного, возрастной статус не гарантирует материального успеха, благополучия, уважения и высокого социального положения [16]. Уход с рынка труда или переход на менее квалифицированный труд, ослабление социальных связей, материальные трудности – все это способствует росту тревожности в старших возрастных группах.

На репертуар тревог влияет образование респондента: более низкий его уровень обуславливал большую обеспокоенность экономической обстановкой и в меньшей степени – социально-политическими событиями. В группу риска входят также жители сельской местности, малых и средних городов. Малообеспеченные традиционно показывают более высокий уровень тревожности, однако в периоды экономической нестабильности сюда также включается высокообеспеченная часть населения страны, обеспокоенная потерей возможности поддерживать привычный уровень дохода в меняющихся реалиях [20].

Таким образом, результаты многолетних замеров позволили исследователям сделать важные выводы о характере социальной тревожности россиян. В то же время динамичность социального бытия и появление новых триггеров колебания социального самочувствия требует постоянной актуализации внимания к данной проблематике.

Методология исследования

Исследование выполнено в рамках теоретико-методологического контура, сочетающего в себе идеи социологического и социально-психологического подходов. Однако основной акцент сделан на принципах социологической интерпретации тревожности, так как в фокусе внимания ученых находятся не отдельные индивиды, а большие социально-демографические группы российского общества, атрибутивным признаком которых является социальная тревожность.

Приступая к рассмотрению любой предметной области, необходимо определиться с основным понятийно-категориальным аппаратом. В рамках данной работы главным понятием, требующим операционализации, является понятие «тревожность». Прежде чем проводить социологическую верификацию сегментированности высокого уровня тревожности российского общества, необходимо понять: есть ли различия между, на первый взгляд, схожими категориями «тревога» и «тревожность»; что именно отличает личностную тревожность от со-

циальной тревожности; посредством каких индикаторов возможно социологическое изучение тревожности в обществе.

В научной литературе «под тревогой принято понимать эмоциональное состояние волнения, беспокойства, связанное с ожиданием опасности и дефицитом информации в ситуации неопределенного исхода развития событий» [12, с. 147]. В свою очередь, тревожность в психологических словарях обозначается как «индивидуальная психологическая особенность, проявляющаяся в склонности человека испытывать беспокойства» [21].

Взаимосвязь между понятиями «тревога» и «тревожность» описывается социальными психологами как некое соподчинение. Социальные психологи, фиксируя тревогу как эмоциональное состояние, которое возникает в ситуациях опасности и проявляется в ожидании неблагоприятного развития событий, определяют, что тревожность – это склонность человека переживать то самое чувство тревоги. Вместе с тем тревога – это временное явление, вызванное беспокойством индивида, в то время как тревожность более устойчива и характеризуется не эпизодическим проявлением, а долговременным состоянием [22, 23].

В научной литературе встречаются такие разновидности тревожности, как личностная, ситуационная и социальная. Личностная тревожность – это готовность (установка) человека к переживанию страха и волнений по поводу широкого круга субъективно значимых явлений¹. Ситуативная тревожность – это показатель интенсивности переживаний, которые возникают по отношению к типичным событиям². Определения понятия «социальная тревожность» различны: они включают в себя и «механизм избегания социальных угроз, возникающих из-за жизни в больших группах, и распространенное человеческое переживание, характеризующееся сильным страхом оценки со стороны других в социальных ситуациях, и тревожность, внешним стимулом которой выступают различные ситуации социального взаимодействия» [24, с. 92]. Но все эти дефиниции все же едины в тезисе, что в основе социальной тревожности всегда лежат ситуации социального взаимодействия человека.

Как отмечает Е.Г. Сердюк, «личная и социальная тревога взаимообусловлены и взаимозависимы: устойчивость и изменчивость социальной тревожности зависит от общественных условий и характера деятельности личности в группе, являясь маркером общественного сознания и реальных условий жизнедеятельности людей» [25, с. 160].

В рамках данной работы тревожность определяется авторами как характеристика социальной группы, подразумевающая наличие у членов этой группы чувства тревоги в отношении социальных или жизненных ситуаций, продиктованного отсутствием необходимых факторов для устойчивого функционирования социальной системы в условиях внешних и внутренних изменений.

Проблематика социальной тревожности получила развитие в процессе изучения кризисного и катастрофического сознания, социального самочувствия и настроения [17]. Социальная тревожность рассматривается исследователями как объективная характеристика общественного бытия, порожденная системно-структурными особенностями организации относительно стабильного социума [11]. В этой связи большим эвристическим потенциалом в рамках данного исследования обладает методологический опыт концепции «общества риска», накопленный в работах У. Бека, Э. Гидденса и Н. Лумана, позволяющий объяснить, что в «классовых обществах бытие определяет сознание, в то время как в обществе риска сознание определяет бытие», а само развитие социума предполагает наличие рисков, которые связываются с настоящим и будущим. Согласно данной концепции, современности свойственны критический динамизм и возрастание рисков для всех членов общества. Однако при этом всегда су-

¹ Психологическое исследование личностной тревожности детей с трудностями в обучении. URL: <http://cscb.su/n/022401/022401013.htm> (дата обращения 17.11.2024).

² Там же.

ществуют группы, которые в определенных социальных обстоятельствах более уязвимы, имеют меньший «запас прочности», более узкий набор адаптационных стратегий, несут большие потери. Именно такие группы в настоящей работе будут выступать в качестве группы риска [26, 27].

При характеристике тревожности групп риска в рамках работы используются термины «устойчивость тревожности» и «уровень тревожности». В отличие от общепринятых в психологии шкал интерпретации уровня личностной тревоги в социологии нет единого стандарта измерения уровня социальной тревожности. Также методологические основания замера уровня риска можно найти в работе Н. Лумана, который уделял внимание значению позиции индивида по отношению к риску и ввел понятие «порог катастрофы». По мнению исследователя, «порог катастрофы весьма по-разному определяет тот, кто принимает решения, и тот, кого эти рискованные решения затрагивают» [27, с. 136].

Устойчивость тревожности означает преобладание в настроениях общества страхов, тревог, опасений как некоторого основного тона, выражающего состояние общественного сознания и окрашивающего практическую деятельность людей [28].

В целом в исследованиях динамики уровня тревожности встречаются такие индикаторы, как высокий/низкий, устойчивый/нестабильный уровень тревожности [5]. В связи с этим в рамках данной работы предполагается рассмотрение динамики тревожности групп риска в двух дихотомических характеристиках: высокий/низкий, устойчивый/нестабильный уровень тревожности. Сочетание данных характеристик позволяет выделить типы социальной тревожности.

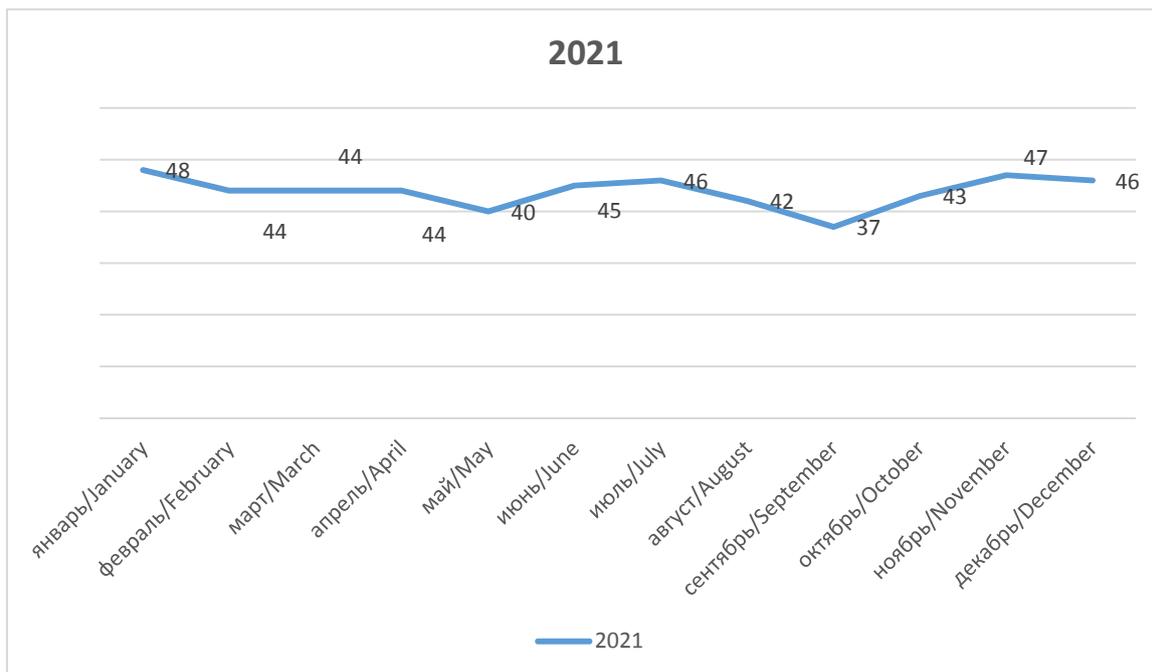
В качестве маркеров дифференциации общероссийского уровня социальной тревожности, требующих социологической верификации, были выбраны такие параметры, как пол, возраст, уровень образования и тип занятости, материальное положение, тип поселения, а также включенность в информационную повестку дня посредством интернета.

Эмпирическая база исследования

Эмпирическую базу работы составили открытые данные, опубликованные на сайте ВЦИОМ (ежедневные всероссийские опросы) [29].

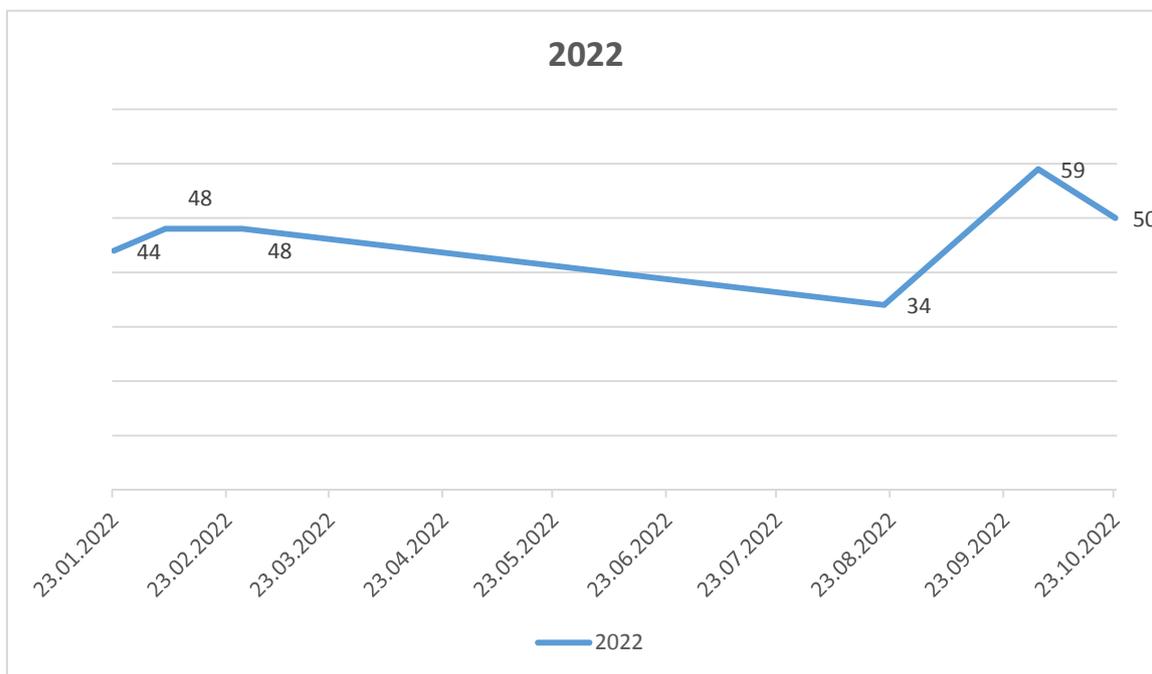
Временные рамки исследования представлены 2021–2022 гг. Данный период интересен для анализа компонентов социального самочувствия тем, что был наполнен разноплановыми социальными триггерами: с одной стороны, общество постепенно выходило из пандемийной повседневности (оценивало потери и новые риски), а с другой – изменился политический контекст (начало Специальной военной операции, последовавшие за ним санкции и уход с рынка многих западных компаний, проведение частичной мобилизации и сопутствующая всем этим событиям информационная война). В сложившейся ситуации важно понять, насколько действительно макросоциальный контекст влияет на динамику тревожности, выявить группы риска и оценить их адаптационный потенциал.

Отметим, что общая динамика социальной тревожности в рассматриваемый период (рис. 1, 2) отличается единичным резким колебанием в сентябре 2022 г. Подписание 21 сентября 2022 г. указа об объявлении частичной мобилизации в стране привело к рекордному значению уровня тревожности россиян: 59 % опрошенных в это время описали свое настроение через выбор категории «тревога». Взлет уровня тревожности по сравнению с предыдущим показателем составил 25 процентных пунктов. На протяжении остального анализируемого периода показатели тревожности составляли порядка 45 %. Наиболее спокойными для россиян оказались сентябрь 2021 года и август 2022 года. Показатели тревожности в эти временные периоды составляли 37 и 34 % соответственно. Рост уровня тревожности в 4-м квартале 2021 года может быть связан с ухудшением ситуации с коронавирусом. Разница между максимальным и минимальным значением тревожности россиян в 2021 г. составила 11 процентных пунктов.

Источник: составлено авторами по [29].
 Source: compiled by the authors according to [29].

Рис. 1. Динамика уровня тревожности в 2021 г.
Fig. 1. Dynamics of anxiety level in 2021

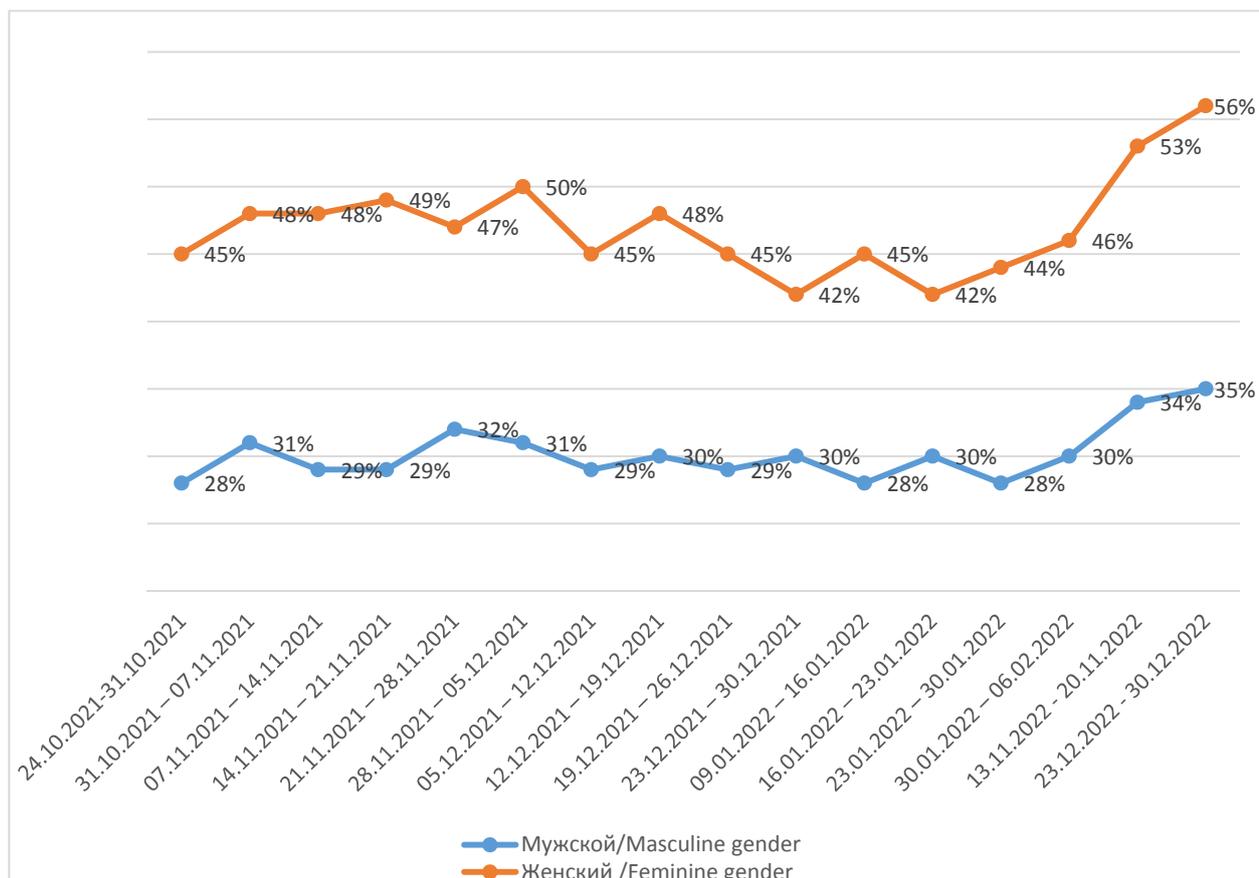
Источник: составлено авторами по [29].
 Source: compiled by the authors according to [29].

Рис. 2. Динамика уровня тревожности в 2022 г.
Fig. 2. Dynamics of anxiety level in 2022

Социальная тревожность россиян: типы и группы риска

Замеры параметров социального самочувствия в 2021–2022 гг. позволяют сделать вывод о том, что социальная тревожность охватывает значительную часть россиян, но отметим, что распространенность страхов и тревог неодинакова в разных социальных группах. Открытые данные [29] позволяют проанализировать динамику уровня тревожности в зависимости от ряда социально-демографических характеристик, выделить доминирующие типы тревожности в них и, соответственно, группы риска.

Прежде всего проанализируем гендерные различия в динамике уровня тревожности (рис. 3). Как показывают данные, на протяжении рассматриваемого периода показатели тревожности женщин превышают мужские, что, как было отмечено выше, является для российского общества устоявшейся тенденцией. В то же время важно обратить внимание на более резкие колебания уровня тревожности в женском сегменте выборки: если у мужчин разница между минимальным и максимальным значениями составляет 7 процентных пунктов, то у женщин – 14 процентных пунктов. Гендерные различия при этом, оставаясь стабильными в послепандемный 2021 год, несколько усиливаются в 2022-м после начала СВО и частичной мобилизации. Сказанное позволяет сделать вывод, что женщины продолжают оставаться группой риска, несмотря на сокращение гендерного разрыва в основных сферах общества.

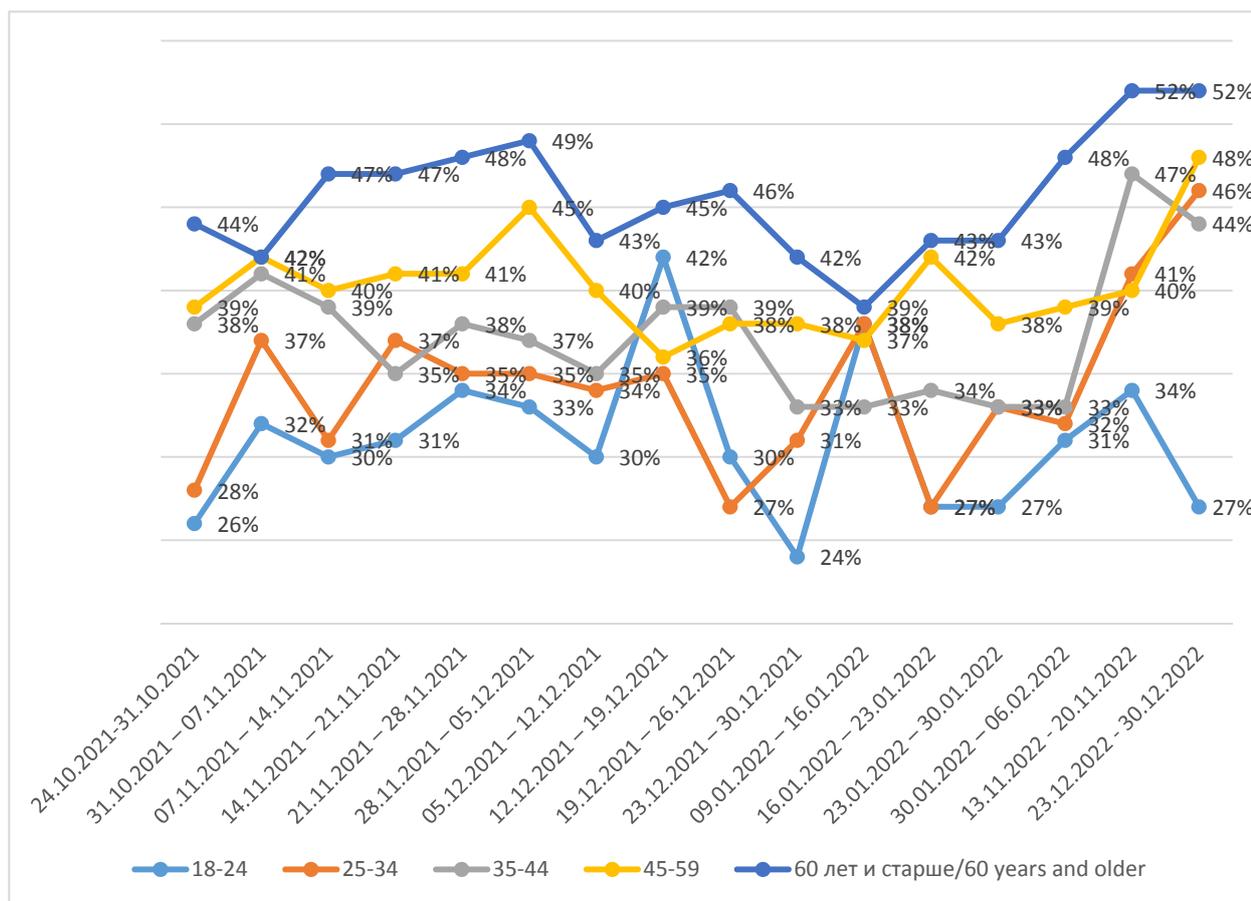
Источник: составлено авторами по [29].

Source: compiled by the authors according to [29].

Рис. 3. Гендерные различия в динамике уровня тревожности (2021–2022 гг.)

Fig. 3. Gender differences in the dynamics of anxiety level (2021–2022)

Уровень тревожности ожидаемо повышается с возрастом (рис. 4). Так, если в возрасте 18–24 и 25–34 лет самые низкие показатели тревожности составляют 24 и 26 % соответственно, то уже в группе 35–44 лет уровень тревожности повышается до 33 %, в группе 45–59 лет – до 36 %. Наиболее тревожной группой остаются россияне старше 60 лет: здесь минимальный уровень тревожности составляет 42 %, а максимальный – 52 %, что выше, чем в целом по выборке. В то же время граждане предпенсионного и пенсионного возрастов в своей тревожности достаточно стабильны: их эмоционально-психологическое состояние колеблется, но в меньшей степени, чем у более молодых возрастных когорт. Этот факт позволяет в данном случае говорить о двух типах социальной тревожности – высокой, но стабильной, и нестабильной, но более низкой. Оба типа тревожности, безусловно, несут в себе рискогенный потенциал. В то же время можно предположить, что люди старших возрастов обладают более высокой личностной тревожностью в силу снижения адаптационного потенциала, ухода с рынка труда и потери социальных связей. В свою очередь, перепады уровня тревожности экономически активных возрастных групп вызывает большую настороженность и говорит о том, что их жизненный тонус снижается и именно они оказываются наиболее уязвимыми перед макросоциальными рисками. Ситуация усугубляется тем, что именно эти люди несут ответственность (в своем большинстве) как за нетрудоспособных родителей, так и за детей, что еще больше сказывается на их возможностях адаптации к вызовам постковидной реальности и событиям, которые связаны с началом СВО.

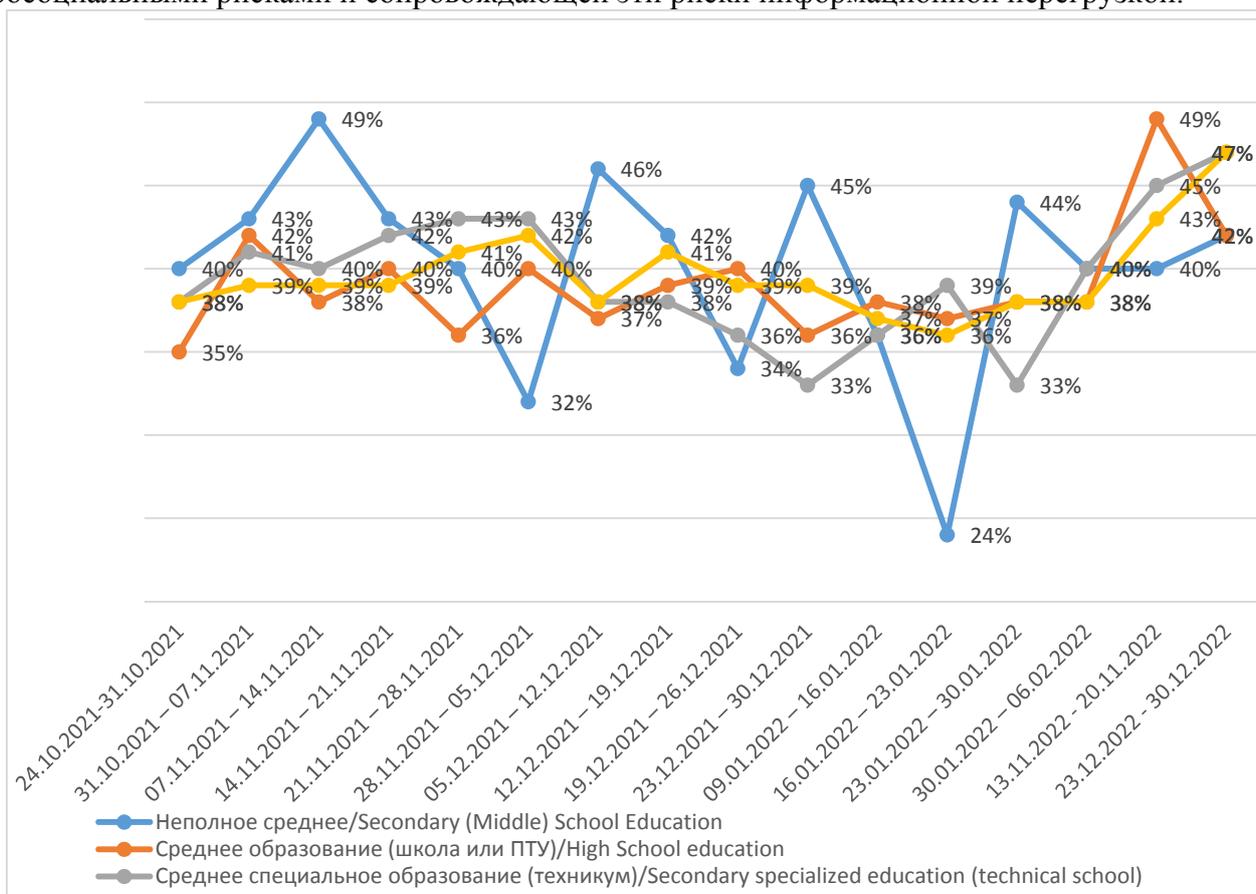

Источник: составлено авторами по [29].

Source: compiled by the authors according to [29].

Рис. 4. Динамика уровня тревожности разных возрастных когорт (2021–2022 гг.)
Fig. 4. Dynamics of anxiety level in different age cohorts (2021–2022)

Анализ уровня тревожности в разрезе выборки по уровню образования также позволяет выделить группы риска (рис. 5). Так, наиболее «стабильными» группами являются профессионалы с высшим и неполным высшим образованием. Разница минимального и максимального значений в этих группах хоть и достигает 9 процентных пунктов (все же ниже, чем в остальных) и отражает меньшие колебания уровня тревожности, так как эти значения удалены друг от друга во времени. Россияне со средним специальным образованием более чувствительны к социальным триггерам: здесь колебание уровня тревожности более заметно (разница между минимальным и максимальным значениями составляет уже 14 процентных пунктов), однако «перепады» также удалены друг от друга во времени, что в целом позволяет отнести эту группу граждан к категории более тревожных, но достаточно стабильных в своем эмоционально-психологическом состоянии. Этого нельзя сказать о группах со средним общим и неполным средним образованием. В первом случае уровень тревожности также колеблется в пределах 14 процентных пунктов, однако, как можно увидеть на рис. 3, временные промежутки между перепадами показателей значительно меньше. Во втором случае (в группах с неполным средним образованием) ситуация еще более нестабильная: здесь выше уровень тревожности в целом, острее реакция на триггеры (что отражается в резкой смене периодов повышения и понижения тревожности), а также самая большая разница между минимальным и максимальным значениями показателей (25 процентных пунктов). Это показывает, с одной стороны, более низкий адаптационный потенциал менее образованных групп населения, а с другой – более высокую уязвимость их повседневности перед макросоциальными рисками и сопровождающей эти риски информационной перегрузкой.

Источник: составлено авторами по [29].

Source: compiled by the authors according to [29].

Рис. 5. Динамика уровня тревожности в группах с разным уровнем образования
Fig. 5. Dynamics of anxiety level in groups with different levels of education

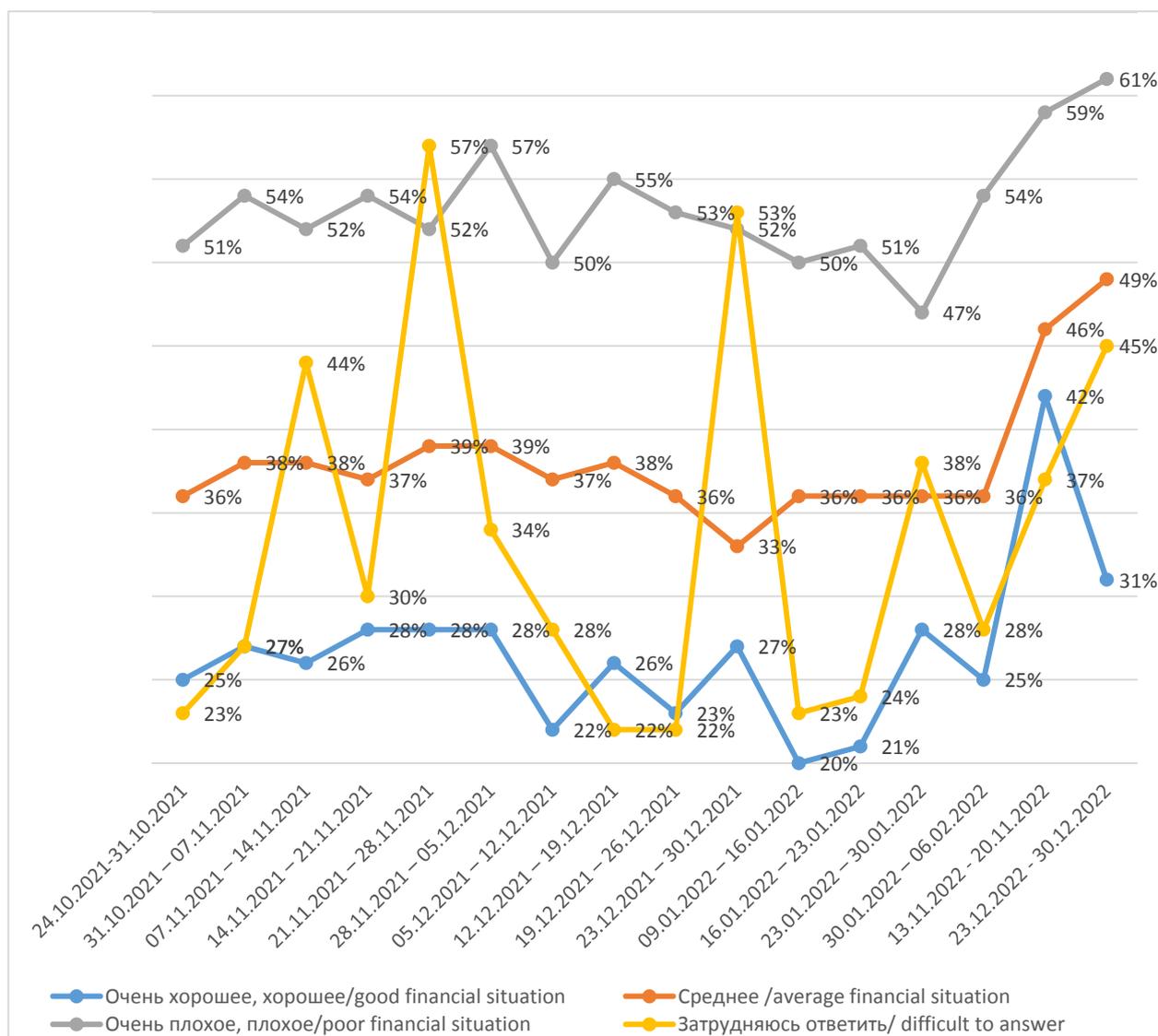
Дифференциация выборки по разным видам занятий позволяет выделить четыре типа социальной тревожности и соответствующие им группы риска (табл. 1). Первые – стабильно высокотревожные (высокие показатели среднего уровня тревожности, небольшая разница между минимальным и максимальным показателями, нет резких повышений и понижений тревожности). Это неработающие пенсионеры, традиционно характеризующиеся низким социальным самочувствием. Вторые – нестабильно высокотревожные (высокие показатели среднего уровня тревожности и разницы между минимальным и максимальным значениями, резкая смена состояний). В эту группу входят служащие без высшего образования, временно неработающие и безработные, занятые домашним хозяйством, а также работники некоммерческого сектора. Третьи – нестабильно тревожные (это респонденты с большими и частыми перепадами тревожности, средними ее значениями): государственные и муниципальные служащие, неквалифицированные рабочие, бизнесмены и предприниматели, учащиеся.

Таблица 1. Тревожность респондентов в зависимости от типа занятости
Table 1. Anxiety of respondents depending on the type of employment

Тип занятости Type of employment	Среднее значение уровня тревожности за период Average value of the anxiety level over the period	Разница между минимальным и максимальным значением уровня тревожности Difference between the minimum and maximum value of the anxiety level
Неработающие пенсионеры (в том числе по инвалидности) Unemployed pensioner (including disability)	47	13
Служащие без высшего образования Employees without higher education	47	13
Временно неработающие, безработные Temporarily unemployed, unemployed	42,5	15
Занятые домашним хозяйством (в том числе находящиеся в декретном отпуске) Household workers (including those on maternity leave)	42,4	20
Работники некоммерческого сектора Employees of the non-profit sector	40,8	65
Государственные и муниципальные служащие Government and municipal employees	32,6	29
Неквалифицированные рабочие, включая рабочих, задействованных в сфере сельского хозяйства Unskilled workers, including agricultural workers	36,3	15
Бизнесмены, предприниматели Businessman, entrepreneur	36,8	25
Неработающие, учащиеся, студенты Unemployed, students	33,3	33
Специалисты с высшим образованием – бюджетник Specialist with higher education – state employees	40,3	13
Специалисты с высшим образованием в коммерческом секторе Specialist with higher education in the commercial sector	36,7	12
Квалифицированные рабочие Skilled workers	30,9	14
Военнослужащие в армии, органах внутренних дел, включая полицию и ФСБ Military personnel in the army, law enforcement agencies, including the police and the FSB	21,3	23

В группу со средним и достаточно стабильным уровнем тревожности входят специалисты с высшим образованием бюджетной и коммерческой сфер, квалифицированные рабочие. Отдельную группу составляют военнослужащие в армии, органах внутренних дел (включая полицию и ФСБ): их уровень тревожности значительно более низкий в сравнении с другими группами, хотя и подвержен ситуативным влияниям.

Одним из традиционных направлений анализа социального самочувствия является сравнение групп, выделенных по признаку субъективной оценки своего материального благополучия. Многолетние замеры, как уже было отмечено выше, выявили, что к группе риска относятся малообеспеченные респонденты. Замеры, сделанные в 2021–2022 гг., позволяют выделить несколько новых тенденций (рис. 6).

Источник: составлено авторами по [29].

Source: compiled by the authors according to [29].

Рис. 6. Динамика уровня тревожности у групп, различающихся по оценке собственного материального положения

Fig. 6. Dynamics of anxiety level among groups that differ in their assessment of their own financial situation

Первое – высокая доля тех, кто затруднился дать оценку своему материальному положению, и значительное колебание уровня тревожности этой группы опрошенных (разница между минимальным и максимальным значениями достигла 33 %, а график отражает резкие перепады в оценках). О чем это говорит? По мнению авторов статьи, это показывает, что высокая концентрация макросоциальных рисков за короткий период времени затрудняет возможность однозначной идентификации себя с определенной доходной группой, так как постоянно происходит пересмотр собственного запаса прочности в соотношении с меняющимися условиями социальной реальности. Эта группа населения входит в группу риска, так как нестабильное эмоциональное состояние не дает возможности трезво оценивать происходящее и делает человека уязвимым. Следующее – ожидаемо более высокая тревожность малообеспеченных групп населения и более низкая – у высокообеспеченных; в то же время последние также показывают обеспокоенность возможностями поддерживать привычный уровень жизни в текущих (для рассматриваемого периода) реалиях, что выражается в росте уровня тревожности от 25 % в начале 2021 г. к 31 % в конце 2022 г. (с пиком в 42 % в ноябре 2022 г.). Те, кто относит себя к среднему слою, с одной стороны, чуть более стабильны в своем эмоциональном состоянии, но с другой – сохраняют достаточно высокий уровень тревожности (36–49 %). Таким образом, анализ выборки в разрезе субъективной оценки собственного материального благополучия позволяет выделить следующие группы риска: стабильно высокотревожающиеся бедные, стабильно тревожные средние слои и характеризующиеся резкими перепадами тревожности, не относящие себя к определенной доходной группе.

Территориальная дифференциация в меньшей степени обуславливает динамику тревожности. Как было отмечено выше, исследования прошлых лет относили к более тревожным жителей областных центров, малых городов и сельской местности. В 2021–2022 гг. средние значения оценок собственной тревожности жителей разных типов достаточно близки (42,2 % – в Москве и Санкт-Петербурге, 38,5 % – в городах-миллионерах, 39,5 % – в городах с населением 500–950 тыс. чел., 40 % – в городах с населением 100–500 тыс. чел., 38,6 % – в городах до 100 тыс. чел. и 39,6 % – в сельской местности) (табл. 2), что не позволяет однозначно выделить группы риска по данному критерию. В то же время менее стабильный уровень тревожности показывают жители трех типов поселений.

Чаще других подвержены смене состояний жители городов с населением от 100 до 500 тыс. чел. Это города, большинство из которых характеризуются сниженным темпом развития производственной и социально-бытовой инфраструктуры, неразвитым рынком труда и миграционным оттоком в сторону крупнейших городов. В сложившейся ситуации, когда социально-экономические условия жизни не дают возможности выработать запас адаптационного потенциала, уровень тревожности растет. В этом смысле более «стабильными» являются жители сельской местности, чья опора на подсобное хозяйство дает больше возможностей чувствовать себя увереннее в завтрашнем дне.

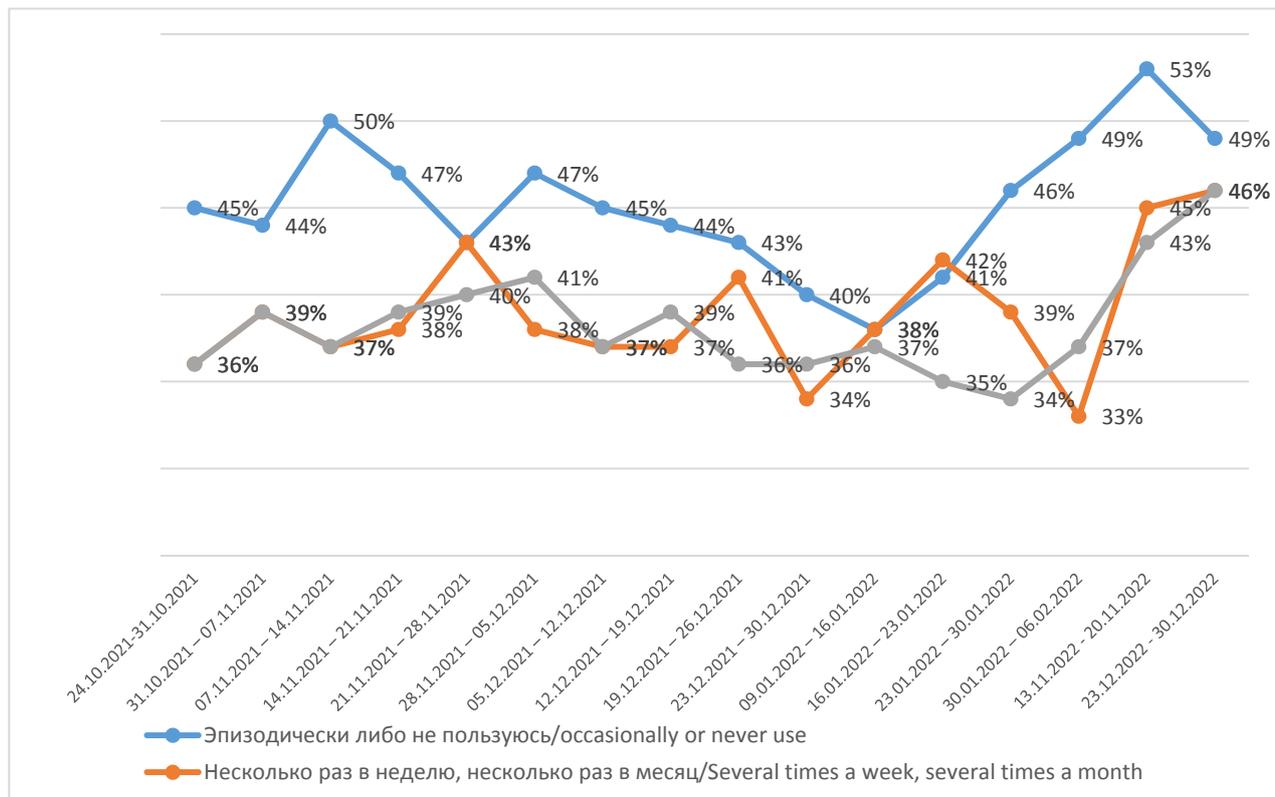
На этом фоне, казалось, уровень тревожности должен быть меньше подвержен колебаниям в типах поселений с развитым рынком труда и инфраструктурой. Однако если обратимся к данным табл. 2, то увидим, что эмоциональное состояние жителей городов-миллионеров и российских столиц также нестабильно. Исследователи выделяют несколько факторов повышенной тревожности жителей густонаселенных территорий: плотность и поляризованность информационных потоков, слабость связей в локальных сообществах, необходимость часто находиться в местах большого скопления людей, более высокая отчужденность от деятельности социальных институтов [15, 17]. Все это создает предпосылки для более острой реакции на разного рода социальные раздражители, что и отражается на динамике социальной тревожности.

Таблица 2. Динамика уровня тревожности у жителей разных типов поселений (2021–2022 гг.), %
Table 2. Dynamics of anxiety level among residents of different types of settlements (2021–2022), %

Период Period	Москва и Санкт-Петербург Moscow and St. Petersburg	Города- миллионеры Million-plus cities	500–950	100–500	до 100 up to 100	Село Village
			тыс./thousand			
24–31.10.2021	38	36	37	38	35	40
31.10–07.11.2021	42	37	39	40	42	40
07–14.11.2021	41	43	40	36	37	43
14–21.11.2021	38	42	40	42	41	38
21–28.11.2021	42	40	43	39	41	40
28.11–05.12.2021	44	45	44	41	39	42
05–12.12.2021	36	39	39	35	42	38
12–19.12.2021	45	37	40	37	41	39
19–26.12.2021	40	38	42	46	36	39
23–30.12.2021	42	38	38	35	36	35
09–16.01.2022	40	34	35	37	35	39
16–23.01.2022	39	34	36	38	36	37
23–30.01.2022	42	37	37	38	33	36
30.01–06.02.2022	41	35	36	39	37	41
13–20.11.2022	57	36	46	47	40	44
23–30.12.2022	48	45	40	52	47	43

Источник: составлено авторами по [29].

Source: compiled by the authors according to [29].

Источник: составлено авторами по [29].

Source: compiled by the authors according to [29].

Рис. 7. Динамика уровня тревожности в группах, которые отличаются по частоте использования интернета

Fig. 7. Dynamics of anxiety level in groups that differ in the frequency of Internet use

Стратегии потребления информации, как показывают исследования, являются фактором, значительно влияющим на социальное самочувствие. Уровень тревожности не исключение. На рис. 7 представлена динамика тревожности респондентов, с разной частотой использующих интернет. Наиболее тревожной группой выступают опрошенные, которые обращаются к информации в интернете редко или вообще не заходят в глобальную сеть. Объяснений этому несколько. Первое – как правило, это люди старших возрастов³, которые, как было отмечено выше, отличаются стабильно повышенной тревожностью. Второе – интернетом реже пользуются люди без профессионального образования⁴, которые также относятся к группам риска. Наконец, интернет как источник информации дает больше возможностей находить альтернативные данные, анализировать их и формировать более рациональные оценки социальной ситуации, что снижает уровень тревожности. Если посмотрим на график динамики тревожности, соответствующий группе респондентов, ежедневно пользующихся интернетом, то увидим, что в 2021 г. он был более стабилен, по сравнению с другими, а в 2022 г. хоть и подвергся колебаниям, но в меньших пределах значений, чем в другие. Таким образом, россияне, которые регулярно пользуются интернетом, отличаются более устойчивым эмоциональным состоянием.

Выводы

Исследование динамики тревожности в нестабильные периоды помогает ученым не просто констатировать изменения в характере социальных настроений, но и проанализировать адаптационный потенциал населения, а также выделить очаги социальной напряженности.

Данные показывают, что в той или иной степени тревогу испытывают большинство россиян, однако, учитывая дифференциацию общества, этот вывод нельзя считать универсальным. Анализ выборки в разрезе основных социально-демографических характеристик позволил сделать ряд интересных выводов.

В российском обществе существует несколько типов социальной тревожности, каждый из которых обуславливает разный запас адаптационного потенциала. Первый тип – это стабильно высокотревожные. Сюда по данным замеров 2021–2022 гг. относятся женщины, россияне предпенсионного и пенсионного возрастов, со средним общим образованием, низкодоходные группы населения. В этом отношении рассматриваемый период не показал новых тенденций: перечисленные группы выборки представляют собой менее защищенные когорты и слои населения, которые и в предыдущие годы показывали более высокий уровень тревожности. Вторая группа – нестабильно высокотревожные. Это те, кто показывает высокий уровень тревожности с резкими перепадами за короткие периоды времени. Такая динамика наблюдается в возрастной группе 35–44 лет среди россиян с низким уровнем образования, временно безработных и занятых домашним хозяйством, работников некоммерческого сектора, жителей городов с населением от 100 до 500 тыс. чел. Таким образом, это достаточно широкий спектр категорий населения и в группу риска они относятся потому, что резкая смена эмоциональных состояний говорит о снижении чувства уверенности в завтрашнем дне и субъективных оценок своих возможностей поддерживать текущий уровень и образ жизни. Третья группа – нестабильно тревожащиеся – те, чей уровень тревожности ниже среднего, но динамика характеризуется перепадами в достаточно короткие отрезки времени. В эту группу входят молодые люди 25–34 лет, россияне с неполным высшим и высшим образованием, государственные и муниципальные служащие, неквалифицированные рабочие, бизнесмены и

³ Выборочное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей за 2022 г. // Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt22/index.html.

⁴ Там же.

предприниматели, учащиеся, слои населения со средним доходом, жители городов-миллионеров и столиц. Это россияне, имеющие более широкий набор адаптационных практик, что позволяет им «выравнивать» показатели социального самочувствия. Вторая и третья группа тревожащихся, в отличие от первой (стабильно высокотревожные), в замерах прошлых лет выделялись эпизодически. Это говорит о том, что в периоды высокой концентрации социальных триггеров тревожности объектом поддержки со стороны государства должны быть не только традиционно более незащищенные группы населения.

Важно также обратить внимание на то, что стабильно спокойных групп населения по результатам замеров можно выделить меньше, чем тревожных. Это мужчины, специалисты с высшим образованием бюджетного и коммерческого сектора, квалифицированные рабочие, военные, жители сельской местности. В то же время их уровень тревожности в среднем превышает 30 %, а динамика периодически колеблется.

Все это позволяет говорить о том, что в 2021–2022 гг. тревожность была характерна для большей части россиян, что показывает их уязвимость перед макросоциальными вызовами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. На фоне пандемии COVID-19 во всем мире распространенность тревожных расстройств и депрессии выросла на 25 % // Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/02-03-2022-covid-19-pandemic-triggers-25-increase-in-prevalence-of-anxiety-and-depression-worldwide> (дата обращения 10.02.2024).
2. Bloomberg: рейтинг стран мира, жители которых больше всего страдают от стресса и депрессии в 2013 году. URL: <https://gtmarket.ru/news/2013/07/19/6112> (дата обращения 10.02.2024).
3. Россия стала четвертой страной в мире по уровню депрессии и тревожности. URL: <https://www.buro247.ru/news/life/8-jun-2021-russia-fourth-country-depression-anxiet.html> (дата обращения 10.02.2024).
4. Факторы формирования общественного мнения. Настроение окружающих. URL: <https://media.fom.ru/fom-bd/d38no2022.pdf> (дата обращения 12.02.2024).
5. Исследование РАНХиГС показало весьма высокий уровень тревожности жителей России. URL: <https://www.ng.ru/news/787751.html> (дата обращения 11.02.2024).
6. Подсчитан уровень тревожности россиян из-за коронавируса // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2020/10/13/trevoga/> (дата обращения 11.02.2024).
7. Специальное стало рутинным // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6412262> (дата обращения 12.02.2024).
8. Две трети россиян испытывают тревогу из-за сложившейся социально-экономической ситуации // НАФИ. URL: <https://nafi.ru/analytics/dve-treti-rossiyan-ispytyvayut-trevogu-iz-za-slozhivsheysya-sotsialno-ekonomicheskoy-situatsii/> (дата обращения 12.02.2024).
9. Эпидемия тревожности // Медицинский вестник. URL: <https://medvestnik.by/dosug/epidemiya-trevozhnosti> (дата обращения 12.02.2024).
10. Гавриченко О.В., Бубновская Е.А. Перфекционизм и тревожность как феномен самоотношения в молодом и зрелом возрасте // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». – 2021. – № 4. – С. 65–81. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2021-4-65-81>. EDN: SWSZYM.
11. Баринов Д.Н. Социоструктурные источники тревожности // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2008. – № 10 (66). – С. 147–150. EDN: JWOSMT.
12. Баринов Д.Н. Региональная специфика социальной тревожности // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 28. – С. 165–170. EDN: MULYED.
13. Баринов Д.Н. Динамика социальной тревожности в современном российском обществе // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2009. – № 2. – С. 163–174. EDN: KVWEGB.
14. Мартышенко С.Н. Анализ факторов, влияющих на социальное самочувствие студенческой молодежи в Приморском крае // Социодинамика. – 2018. – № 11. – С. 59–71. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2018.11.27351>. EDN: VMUWXS.
15. Баринов Д.Н. Тревоги и опасения россиян в условиях социально экономического кризиса // Бюллетень науки и практики. – 2018. – Т. 4. – № 12. – С. 541–552. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.2278601>. EDN: YRIPPN.
16. Баринов Д.Н. Константы общественного бытия как фактор возникновения социальной тревожности // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2011. – № 3 (65). – С. 110–119. EDN: NUAADX.

17. Социальная тревожность и социальные опасения населения России: социологическое измерение / И.В. Долгорукова, Т.Ю. Кирилина, Ю.Н. Мазаев, Т.Н. Юдина // Социологические исследования. – 2017. – № 2. – С. 57–66. EDN: YGAMRZ.
18. Палкина А.В., Соболева Н.Э. Гендерные различия в тревожности и депрессии во время пандемии COVID-19 в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2023. – № 4 (176). – С. 54–78. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2364>. EDN: CHMZXH.
19. Гребняк, О.В., Новоженина О.П. Структура социальной тревожности российского общества: гендерный акцент // Наука. Культура. Общество. – 2022. – Т. 28. – № 2S. – С. 24–35. DOI: <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2S.2>. EDN: KNQPPC.
20. Российское общество в условиях кризисной реальности (по результатам социологического мониторинга 2014–2016 гг.). URL: https://www.isras.ru/rezyume_ross_obschestvo_v_usloviyah_krizis_realnosti (дата обращения 11.02.2024).
21. Психологический словарь. URL: <https://www.b17.ru/dic/trevojnost/> (дата обращения 11.02.2024).
22. Сухарева Н.В. Тревожность, тревога, страх: соотношение понятий // Теория и практика современной науки. – 2018. – № 5 (35). – С. 813–816. EDN: XYHDLF.
23. Щербатых Ю.В. Методики диагностики тревоги и тревожности – сравнительная оценка // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. – 2021. – № 2. – С. 85–104. URL: <https://doi.org/10.24412/2303-9744-2021-2-85-104>. EDN: THZFUA.
24. Архипова И.Г. Понимание актуальности социальной тревожности и ее профилактики в современном мире // Общество: социология, психология, педагогика. – 2023. – № 11 (115). – С. 90–97. DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2023.11.11>. EDN: JAGJDD.
25. Сердюк Е.Г. Страх и тревожность: личный и социальный аспекты // International Journal of Medicine and Psychology. – 2023. – Т. 6. – № 2. – С. 156–162. EDN: IOOSCV.
26. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. – 1994. – № 5. – С. 107–134.
27. Луман Н. Понятие риска // Альманах THESIS. – 1994. – № 5. – С. 135–160.
28. Баринов Д.Н. Социальное настроение, уровень шума и помех: сущность, структура, особенности динамики // Социодинамика. – 2019. – № 7. – С. 39–53. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.7.30136>. EDN: RWLAZH.
29. База данных ВЦИОМ // ВЦИОМ. URL: <https://bd.wciom.ru/> (дата обращения 02.02.2024).

Информация об авторах

Юлия Сергеевна Нетребина, кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Россия, 344022, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160; panfilovajulia@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6010-9719>

Яна Викторовна Артамонова, кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Россия, 344022, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160; janaserduchenko@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9618-0960>

Галина Игоревна Чикарова, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Россия, 344022, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160; galia201292@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-7499-5472>

Поступила в редакцию: 17.10.2024

Поступила после рецензирования: 19.01.2025

Принята к публикации: 27.03.2025

REFERENCES

1. Against the background of the COVID-19 pandemic, the prevalence of anxiety disorders and depression has increased by 25% worldwide. *The World Health Organization*. (In Russ.) Available at: <https://www.who.int/ru/news/item/02-03-2022-covid-19-pandemic-triggers-25-increase-in-prevalence-of-anxiety-and-depression-worldwide> (accessed 10 February 2024).
2. *Bloomberg: ranking of the countries in the world where people suffer the most from stress and depression in 2013*. (In Russ.) Available at: <https://gtmarket.ru/news/2013/07/19/6112> (accessed 10 February 2024).
3. *Russia has become the fourth country in the world in terms of depression and anxiety*. (In Russ.) Available at: <https://www.buro247.ru/news/life/8-jun-2021-russia-fourth-country-depression-anxiet.html> (accessed 10 February 2024).

4. *Factors of formation of public opinion. The mood of others.* (In Russ.) Available at: <https://media.fom.ru/fom-bd/d38no2022.pdf> (accessed 10 February 2024).
5. *The RANEPa study showed a very high level of anxiety among Russian residents.* (In Russ.) Available at: <https://www.ng.ru/news/787751.html> (accessed 10 February 2024).
6. The level of anxiety of Russians due to coronavirus has been calculated. *Lenta.ru.* (In Russ.) Available at: <https://lenta.ru/news/2020/10/13/trevoga/> (accessed 10 February 2024).
7. Special has become routine. *Kommersant.* (In Russ.) Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/6412262> (accessed 12 February 2024).
8. Two thirds of Russians are worried about the current situation. *NAFI.* (In Russ.) Available at: <https://nafi.ru/analytics/dve-treti-rossiyan-ispytyvayut-trevogu-iz-za-slozhivsheysya-sotsialno-ekonomicheskoy-situatsii/> (accessed 10 February 2024).
9. The epidemic of anxiety. *Medical Bulletin.* (In Russ.) Available at: <https://medvestnik.by/dosug/epidemiya-trevozhnosti> (accessed 12 February 2024).
10. Gavrichenko O.V., Bubnovskaya E.A. Perfectionism and anxiety as a phenomenon of self-attitude in young and mature age. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series «Psychology. Pedagogy. Education»,* 2021, no. 4, pp. 65–81. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2021-4-65-81>. EDN: SWSZYM.
11. Barinov D.N. Social and structural sources of anxiety. *Bulletin of Tambov University. The "Humanities" series,* 2008, no. 10 (66), pp. 147–150. (In Russ.) EDN: JWOSMT.
12. Barinov D.N. Regional specificity of social anxiety. *Bulletin of Chelyabinsk State University,* 2008, no. 28, pp. 165–170. (In Russ.) EDN: MULYED.
13. Barinov D.N. The dynamics of social anxiety in the modern Russian society. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities,* 2009, no. 2, pp. 163–174. (In Russ.) EDN: KVWEGB.
14. Martysenko S.N. Analysis of the factors that affect social wellbeing of student youth in Primorsky Krai. *Sociodynamics,* 2018, no. 11, pp. 59–71. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2018.11.27351>. EDN: VMUWXC.
15. Barinov D.N. Anxiety and fears Russia's population in the socio-economic crisis. *Bulletin of Science and Practice,* 2018, Vol. 4, no. 12, pp. 541–552. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.2278601>. EDN: YRIPPN.
16. Barinov D.N. Social being constants as a factor of occurrence of social anxiety. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Philosophy. Sociology. Art history",* 2011, no. 3 (65), pp. 110–119. (In Russ.) EDN: NUAADX.
17. Dolgorukova I.V., Kirilina T.Yu., Mazaev Yu.N., Yudina T.N. Social anxiety and social fears of Russia's population: sociological dimension. *Sociological Studies,* 2017, no. 2, pp. 57–66. (In Russ.) EDN: YGAMRZ.
18. Palkina A.V., Soboleva N.E. Gender differences in anxiety and depression during the COVID-19 pandemic in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes,* 2023, no. 4, pp. 54–78. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2364>. EDN: CHMZXX.
19. Grebnyak O.V., Novozhenina O.P. The structure of social anxiety in Russian society: gender emphasis. *Science. Culture. Society,* 2022, vol. 28, no. 2S, pp. 24–35. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2S.2>. EDN: KNQPPC.
20. *Russian society in the context of crisis reality (based on the results of sociological monitoring in 2014-2016).* (In Russ.) Available at: https://www.isras.ru/rezume_ross_obschestvo_v_usloviyah_krizis_realnosti (accessed 12 February 2024).
21. *Psychological dictionary.* (In Russ.) Available at: <https://www.b17.ru/dic/trevoznost/> (accessed 12 February 2024).
22. Sukhareva N.V. Anxiety, fear: the relation of concepts. *Theory and practice of modern science,* 2018, no. 5 (35), pp. 813–816. (In Russ.) EDN: XYHDLF.
23. Shcherbatykh Yu.V. Comparative assessment of methods for diagnosing anxiety. *Bulletin of pedagogy and psychology of Southern Siberia,* 2021, no. 2, pp. 85–104. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24412/2303-9744-2021-2-85-104>. EDN: THZFUA.
24. Arkhipova I.G. Understanding the relevance of social anxiety and its prevention in the modern world. *Society: sociology, psychology, pedagogy,* 2023, no. 11, pp. 90–97. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2023.11.11>. EDN: JAGJDD.
25. Serdyuk E.G. Fear and anxiety: personal and social aspects. *International Journal of Medicine and Psychology,* 2023, vol. 6, no. 2, pp. 156–162. (In Russ.) EDN: IOOSCV.
26. Giddens E. Fate, risk and safety. *THESIS,* 1994, no. 5, pp. 107–134. (In Russ.)
27. Luhmann N. The concept of risk. *THESIS,* 1994, no. 5, pp. 135–160. (In Russ.)
28. Barinov D.N. State of social anxiety and fear: essence, structure, and peculiarities of functioning. *Sociodynamics,* 2019, no. 7, pp. 39–53. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.7.30136>. EDN: RWLAZH.
29. All-Russian Public Opinion Research Center database. *All-Russian Public Opinion Research Center.* (In Russ.) Available at: <https://bd.wciom.ru/> (accessed 10 February 2024).

Information about the authors

Yulia S. Netrobina, Cand. Sc., Associate Professor, Southern Federal University, 160, Pushkinskaya street, Rostov-on-Don, 344022, Russian Federation; panfilovajulia@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6010-9719>

Artamonova Ya. Viktorovna, Cand. Sc., Associate Professor, Southern Federal University, 160, Pushkinskaya street, Rostov-on-Don, 344022, Russian Federation; janaserduchenko@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9618-0960>

Galina I. Chikarova, Cand. Sc., Senior Lecturer, Southern Federal University, 160, Pushkinskaya street, Rostov-on-Don, 344022, Russian Federation; galia201292@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-7499-5472>

Received: 17.10.2024

Revised: 19.01.2025

Accepted: 27.03.2025